

© 2012 г.

МЕЖДУНАРОДНЫЙ СИМПОЗИУМ «ФРАКИЙСКИЕ ЗЕМЛИ И СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ В АНТИЧНУЮ ЭПОХУ» (Харьков, 7–8 апреля 2011 г.)

7–8 апреля 2011 г. на историческом факультете Харьковского национального университета им. В.Н. Каразина состоялся организованный совместно с Институтом всеобщей истории Российской академии наук Международный симпозиум «Фракийские земли и Северное Причерноморье в античную эпоху». В его работе наряду с сотрудниками этих центров приняли участие ученые из Болгарии, России, Польши и Германии, представлявшие Софийский университет «Св. Климент Охридски», Великотырновский университет «Св. Кирилл и Мефодий», Российский государственный гуманитарный университет, Московский государственный институт международных отношений, Белгородский государственный университет, Познаньский университет им. Адама Мицкевича, Немецкий археологический институт (Франкфурт-на-Майне). На четырех заседаниях было заслушано 19 докладов, обсужден широкий круг проблем, связанных с историей, материальной и духовной культурой древних народов Северного Причерноморья и фракийских земель во II тыс. до н.э. – V в. н.э.

Работу симпозиума открыл доклад *В.И. Кадеева и С.Б. Сорочана* (Харьков) «О свидетельствах контактов Херсонеса Таврического и Западного Понта в первые века н.э.». Проанализировав археологические данные об экономических связях Херсонеса, авторы пришли к заключению, что объем торговли с западнопонтскими центрами не превышал 4% общего импорта города, однако с учетом транзитных товаров, поступавших через Мезию из Италии и западных провинций Римской империи, этот показатель достигал 10%. При раскопках также обнаружены материалы, свидетельствующие о влиянии на быт, идеологию и изобразительное искусство Херсонеса римской провинциальной культуры. А найденные в портовом районе города мраморные и известняковые рельефы с изображениями Фракийского всадника и Асклепия позволяют предположить, что по соседству со зданием казармы, у городских ворот, находилось святилище, которое посещали солдаты римского гарнизона фракийского происхождения.

В докладе *Д. Ботевой* (София) «Фракийские серебряные наколенники с позолотой – возможности новой интерпретации» рассматривались находки данного типа из курганных захоронений IV в. до н.э. Всего таких наколенников известно четыре: два происходят из Северной Добруджи, по одному – из Северо-Западной и Юго-Восточной Болгарии. Верхняя часть наколенников выполнена в виде человеческого лица, трактуемого в современной историографии как изображение Великой Богини-Матери. В двух случаях на них присутствуют позолоченные линии, вероятно, обозначавшие татуировку или краску, нанесенные на лица. Эта особенность сближает их с изображениями на серебряном сосуде из Мастогино (Воронежская область), также обнаруженном в курганном погребении. По мнению автора доклада, детальный анализ дает серьезные основания для переосмысления устоявшихся представлений как о функциональном назначении рассмотренных предметов, так и о семантике присущих им изображений. *Е. Хатлас* (Познань) выступил с докладом «Купольные гробницы во Фракии – последние открытия и исследования». Изучение этих памятников продолжается уже 160 лет, с тех пор как в 1851 г. был раскопан курган у с. Розовец. По данным автора доклада, в настоящее

время на землях древней Фракии известно 36 купольных гробниц V–III вв. до н.э. Кроме того, на этой территории обнаружен ряд купольных гробниц римского времени, а также псевдо-гробниц.

Доклад *П. Делева* (София) «Войны на севере, от Филиппа II до Лисимаха» был посвящен анализу свидетельств о военных экспедициях в северном направлении, предпринятых македонянами в период с 339 по 291 г. до н.э. К их числу относятся походы Филиппа II против скифского царя Атея в 339 г., Александра III – против трибаллов в 335 г., Зопириона – в Северное Причерноморье между 332/331 и 326/325 годами, а также две войны Лисимаха против гетского царя Дромихета. Сведения источников об этих событиях скупы и порождают немало проблем. Особое внимание в докладе было уделено дискуссионному вопросу о целях, которые преследовали инициаторы «северных» походов. По словам автора, единой и последовательной политики, направленной на завоевание земель Нижнего Подунавья и Северного Причерноморья, у македонян не было; их акции имели различные, обусловленные той или иной конкретной ситуацией цели и практически не были связаны между собой.

В докладе *И. Тодорова* (Велико Тырново) «О происхождении названия Филиппополь фракийского города Пульпудева» были проанализированы существующие в научной литературе точки зрения на обстоятельства появления топонима Филиппополь. Было отмечено, что наименование современного болгарского города Пловдив чаще всего связывается с названием находившегося в древности на его месте фракийского города Пульпудева. В исторических источниках топоним Пульпудева засвидетельствован готским писателем Иорданом. Однако в трудах античных авторов эллинистического и римского времени город фигурирует и как Филиппополь. Его переименование связывают с походом Филиппа II Македонского в 342/341 г. до н.э., политикой Филиппа V Македонского по отношению к Фракии в 183 и, вероятно, 181 г. до н.э. или с событиями римского времени – в правление императора Филиппа Араба (244–249 гг. н.э.).

В докладе «Царская власть и культ правителя в державе Лисимаха» *К.Ю. Нефедов* (Харьков) отметил, что культ Лисимаха мог существовать только в среде эллинской части его подданных, поэтому степень распространения и характер этого культа во многом зависели от политики Лисимаха по отношению к греческим полисам. Другим важнейшим фактором, оказывавшим влияние на утверждение царского культа в державе Лисимаха, были властные амбиции этого диадоха, которые росли по мере расширения границ его владений и нуждались в надежном обосновании. Под воздействием этих обстоятельств отношение Лисимаха к культу правителя постепенно менялось и, в конечном счете, прошло три этапа: 1) полное неприятие царского культа до победы над Антигоном и Деметрием в битве при Ипсе в 301 г. до н.э.; 2) поддержка и распространение посмертного культа Александра Македонского в период от битвы при Ипсе до падения Деметрия в 286 г. до н.э.; 3) распространение собственного культа Лисимаха во времена его наивысшего могущества в 286–281 гг. до н.э.

С.В. Дьячков (Харьков) в докладе «Фракийский след римского времени в портовом районе Херсонеса Таврического» обратил внимание на присутствие в составе размещенного в городе в первых веках нашей эры римского гарнизона выходцев из фракийских земель. Как показали раскопки экспедиции Харьковского университета на участках «Центр квартала» и «Казарма», во второй половине I в. н.э. на месте одного из находившихся там ранее центров общественной жизни возникли крупные хозяйственные комплексы, вероятно, ориентированные на обслуживание нужд римского гарнизона. Археологические находки и данные просопографии показывают, что среди жителей этой части Херсонеса оказались и выходцы из балканских и малоазийских провинций Римской империи. Высказанное ранее В.И. Кадеевым предположение о существовании там фракийского святилища подтвердилось находкой алтаря, в надписи на котором упоминается военный трибун, носивший имя, имеющее явно фракийские корни, – Луций Юлий Муказен.

О.М. Ильина (Харьков) в докладе «Скульптурные изображения Матери богов Понтийской эллинистического и римского времени из Дионисополя» проинформировала о результатах раскопок открытого в апреле 2007 г. на месте античного Дионисополя (совр. г. Балчик) храма Кибелы. Особое внимание при этом было уделено обнаруженным в ходе археологических работ скульптурным изображениям богини. Почти все найденные в храме скульптуры изображают Великую Мать богов восседающей на троне, в длинном хитоне и гиматии, с тимпаном в левой руке. В пяти случаях на коленях у нее лежит львенок. Подобным образом богиню изображали во многих полисах Западного Причерноморья. Иконография же главной храмовой статуи несколько иная. Богиня также восседает на троне, одета в длинный хитон и гиматий, но в поднятой левой руке она держит жезл, в правой – фиалу, а рельефное изображение льва украшает правую сторону трона.

В докладе *Д.В. Грибанова* (Харьков) «Агораномия в полисах Западного Понта и на Боспоре: сравнительная характеристика» был представлен опыт сравнительной характеристики данного института. Условия деятельности агораномов в разных областях Причерноморья значительно отличались: на Боспоре она протекала в обстановке по сути монархического режима, а в западнопонтийских городах являлась элементом демократического устройства. Тем не менее эпиграфические источники свиде-

тельствуют о том, что существенных различий в организации, функциях и социально-политической роли агораномии на Боспоре и в полисах Западного Причерноморья не было. Следовательно, как отметил в заключение автор, преобладающее в современной историографии мнение об исчезновении или существенной трансформации полисных институтов власти на Боспоре после образования там единого государства Спартокидов нуждается, по меньшей мере, в корректировке.

А.Г. Череди́нченко (Белгород) выступил с докладом «О происхождении пиерийских фракийцев». Подчеркнув этническую неоднородность населения древней Фракии, он отметил, что предки собственно фракийцев обитали в долине р. Марица и близ пролива Босфор уже в XVIII–XVI вв. до н.э. Позднее туда стали прибывать и небольшие группы восточноиндоевропейских («сатемных») этносов из Малой Азии. Если признать верной концепцию единого этногенеза фракийцев, то фракийцы, проживавшие в области Пиерия на юго-западе Македонии, предводителем которых был легендарный Орфей, вероятно, являлись переселенцами из фракийских земель за р. Стримон. Согласно Паросской хронике, это их переселение произошло в начале XIV в. до н.э. Аналогичным образом мигрировал и еще один близкий фракийцам народ – мигдоны, перебравшиеся из западной Фригии на полуостров Халкидика.

С.Г. Карпюк (Москва) в докладе «Фукидид – фракиец? Фракийский компонент в биографии и сочинении основателя научной историографии» подчеркнул, что роль родственных, ксенических, экономических и политических связей историка с фракийской знатью нельзя недооценивать. Неоспоримым представляется происхождение Фукидида от фракийского царя Олора I, которому историк приходился праправнуком. Никакие ксенические отношения не могут объяснить того, что Фукидид владел во Фракии наследственным правом на аренду рудников, а также пользовался в этом регионе особым политическим влиянием. Скорее всего, он унаследовал эти позиции от Кимона, возможно, подкрепив их женитьбой на знатной фракиянке. С учетом того, что никаких полководческих заслуг за Фукидидом к тому времени не числилось, примечательным представляется и его назначение в 424 г. до н.э. одним из двух афинских «стратегов во Фракию». Наконец, не исключено, что фракийские связи Фукидида могли определенным образом способствовать обнародованию его труда, – существует предположение, что Ксенофонт мог получить экземпляр сочинения Фукидида от дочери писателя, проживавшей во Фракии.

Доклад *А.П. Мартмянова* (Харьков) «К вопросу об интерпретации надписей на межевых знаках Бендипары» был посвящен трем идентичным надписям с территории античного Филиппополя. В них сообщается о том, что в 211 г. н.э. по распоряжению императорского легата Фракии Кв. Атрия Клония были установлены *ἄροι ἄροι Βενδιπάρων*. Есть основания считать, что надписи обнаружены *in situ*, и это, казалось бы, дает уникальную возможность представить размеры земельных владений фракийского села. Однако на межевых знаках не указано, что Бендипара – это *κόμμη*, а между тем обозначенная ими площадь для одного села слишком велика – с юго-запада на северо-восток она простирается более чем на 10 км. Согласно гипотезе В. Динчева, Бендипара была не селом, а комархией – «административным объединением нескольких сел». По мнению автора доклада, такое заключение является, в принципе, оправданным, однако воспринимать его следует с осторожностью: не исключена вероятность того, что Бендипара являлась именем, причем – с учетом его размеров – скорее всего императорским.

Е.В. Ляпустина (Москва) выступила с докладом «Община в историографии античности XX в.: предмет изучения и инструмент анализа», в котором прежде всего отметила важную роль отечественного антиковедения 1970-х–1990-х годов (работы Е.М. Штаерман, Е.С. Голубцовой, А.И. Павловской, С.В. Шкунаева и др.) в изучении общин разного типа и разработке классификации данного феномена. В указанный период исследования общины вписывались в традиционное направление социальной истории, к которому принадлежал и марксизм. Для этого направления было характерно подчеркнутое индифферентное отношение к истории государственных институтов. Почти полное отсутствие работ об общине в настоящее время Е.В. Ляпустина предложила объяснять известной завершенностью и исчерпанностью темы, указав вместе с тем на перспективы изучения общины как низшей структурной единицы, отличной от полиса, в контексте истории античной государственности. В докладе *А.Б. Акимова* (Харьков) «Сельское самоуправление в римской Дакии и Малой Скифии: опыт сравнительной характеристики» было показано, что в обеих областях основными типами сельских поселений были *vicī* и *pagi*. В римской Дакии к настоящему времени их известно всего пять. Иная картина наблюдается в соседней Малой Скифии, откуда происходит более 30 упоминаний о сельских магистрах (или магистратах) и квесторах. Наряду с этими должностными лицами в надписях из Дакии и Малой Скифии также упоминаются сельские префекты и принцепсы, однако принадлежность последних к числу деревенских магистратов представляется сомнительной. Судя по данным эпиграфики, значительное место в сельском самоуправлении, особенно в Дакии, принадлежало ветеранам римской армии. Этнический состав деревенских магистратов Дакии однороден –

все они носят римские имена; в Малой Скифии среди имен сельских должностных лиц наряду с римскими нередко фигурируют греческие и фракийские.

Б.С. Ляпустин (Москва) представил вниманию аудитории доклад «Провинции в хозяйственной жизни знатной римской фамилии II в. до н.э. – I в. н.э.». Автор указал, что провинции оказали существенное влияние на экономическую жизнь римской знати, позволив ее представителям обогащаться за счет военной добычи, торговли и финансовых операций. Фамилия как основная социально-экономическая ячейка вслед за *civitas* вышла за пределы Италии, что приносило большие прибыли, но в то же время затрудняло контроль *pater familias* за ее представителями на отдаленных территориях. Успешно руководить хозяйственной деятельностью в провинциях и заниматься политикой в Риме одновременно стало невозможно. Это разделило римскую знать на всадников, которые были заняты откупам и финансовыми операциями, и сенаторов, погруженных в политику. Последние постоянно нуждались в деньгах, которые фамильная собственность не приносила в достаточном количестве. Это было проявлением кризиса фамилий знати в эпоху кризиса римской *civitas*.

И.П. Сергеев (Харьков) в докладе «Фракия и фракийцы в политической жизни Римской империи в период кризиса III века» отметил, что хотя на территории Фракии и не размещались значительные военные силы римлян, эта провинция и ее уроженцы все же играли в кризисных для Империи событиях вполне определенную роль. Во-первых, Фракия и фракийцы в 235 и в 275 гг. н.э. имели прямое отношение к смене ее правителей. Во-вторых, через территорию Фракии продвигались собранные в европейской части Империи военные силы, направлявшиеся на восток для борьбы с внешними врагами римлян или с целью пресечения исходивших из восточных провинций попыток узурпации императорского престола. В-третьих, фракийские земли упоминаются в трудах античных авторов в связи с вторжениями варваров в пределы провинции Фракия.

С докладом «Новые результаты совместных сербско-немецких раскопок позднеантичного дворца возле Гымзиграда на территории провинции *Dacia Ripensis*» выступила *Г. Зоммер фон Бюлов* (Франкфурт-на-Майне). Величественный дворец, возведенный императором Галерием (293–311 гг.) в его родной провинции Прибрежной Дакии, занимал 4 га и был окружен каменной стеной с двумя воротами и 20 круглыми башнями. Археологическое исследование объекта продолжается уже 60 лет. С 2004 г. оно проводится совместными усилиями сербских специалистов, продолжающих изучать внутреннюю часть дворца, и немецких археологов и геофизиков, которые ведут работы в его окрестностях. В результате геомагнитных исследований удалось обнаружить поселение, превышающее по площади «императорскую территорию». Оно было также окружено стеной, но имевшей только одни ворота и не укрепленной башнями. В ходе раскопок была обнаружена *basilica civilis* длиной 100 и шириной 25 м, пол которой был покрыт многоцветной мозаикой. Судя по монетным находкам, базилика была разрушена в третьей четверти III в., т.е. до строительства дворца Галерия.

В докладе *Н.Н. Болгова* (Белгород) «Гонения на христиан у готов во второй половине IV в.: Балканы или Таврика?» была предпринята попытка анализа религиозной ситуации, сложившейся в готском обществе в интересующий автора период. Процесс христианизации «внешних готов», в отличие от готов Ульфилы, сопровождался гонениями. В источниках описываются жития и мученичества готов, пострадавших преимущественно в 370-е годы. Особого внимания заслуживает история 308 готских мучеников, свидетельствующая о наличии у готов в эпоху гуннского нашествия сложного политического устройства, существовании у них наряду с «центральной» властью небольших местных «княжеств». Несомненный интерес в данном случае представляет и гендерный аспект мученичества – среди пострадавших было немало женщин. Наконец, одним из самых важных является вопрос о том, где происходили эти события. Весь их исторический контекст свидетельствует в пользу Балкан (страна Гуттиуда), однако некоторые топонимы Крыма позволяют рассматривать и «крымскую» версию случившегося.

К.Ю. Бардоло (Харьков) представил вниманию участников симпозиума доклад «Некоторые особенности осуществления внешней торговой деятельности в отдельных провинциях Восточной Римской империи IV–V вв.». Если до середины IV в. внешняя торговля велась там практически без контроля со стороны центрального правительства и во многом зависела от политики местных властей, то во второй половине этого столетия ситуация меняется. Императорский двор постепенно концентрирует в своих руках функции контроля над торговлей в ущерб интересам местных городских бюджетов. Государственная политика по отношению к внешнеторговой деятельности становится более унифицированной. При этом императоры использовали контроль над внешней торговлей, как правило, для решения общеполитических задач, а не в фискальных целях. По свидетельствам источников, применительно к некоторым регионам подобная политика оказалась достаточно эффективной. Однако попытки осуществления жесткого контроля над внешней торговлей на Дунае успеха не принесли.

Материалы симпозиума планируется издать отдельным сборником.

А.П. Мартеньянов